

Научная статья

УДК 94

EDN: BQSTKB

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О МАССОВЫХ УБИЙСТВАХ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ, СОВЕРШЕННЫХ СОТРУДНИКАМИ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ**Иван Львович Третьяков***Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
mail@tretyakov.su, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>*

Аннотация. Сведения о «конвейере смерти», запущенном властями нацистской Германии еще задолго до начала Второй мировой войны, имеют глубокое сакральное значение для всего человечества. Тем более, что идеи реваншизма и призывы к сегрегации, как собственных граждан, так и населения планеты в целом, вновь актуализировались в западных СМИ, а в ФРГ, Польше и Прибалтике приобрели в буквальном смысле «насильственно-параноидальный» характер. Аполוגеты «постправды» реанимируют, казалось бы, навечно погребенную под обломками Третьего рейха мифологию социального дарвинизма и пытаются «воплотить ее в жизнь» на Украине. Данная статья посвящена анализу одного из направлений преступной деятельности фашистского режима, связанного с уничтожением лиц, страдающих хроническими заболеваниями центральной нервной системы. Рассматривается общее состояние психиатрии при нацизме, закон о принудительной стерилизации душевнобольных, основные положения программы «Т-4», особенности проведения активной (насильственной) эвтаназии новорожденных и малолетних граждан с признаками инвалидизации и т. д. В заключении делается вывод о том, что умерщвление душевнобольных не может считаться эвтаназией (данный термин здесь абсолютно неприемлем), поскольку «акции» совершались насильственно (принудительно). Представленное исследование служит напоминанием о том, что деструктивные стереотипы и предрассудки шовинистической направленности могут «в одночасье» овладеть умами миллионов людей, привести их к нравственной катастрофе и к уничтожению ни в чем не повинных сограждан, обладающих иными взглядами, иной внешностью, иным состоянием здоровья.

Ключевые слова: история, нацизм, немецкая психиатрия, биологизаторство, психическая патология, душевнобольные, социальный дарвинизм, евгеника, массовые убийства, «активная эвтаназия», сегрегация, постправа

Для цитирования: Третьяков И.Л. К истории вопроса о массовых убийствах психически больных, совершенных сотрудниками различных государственных структур фашистской Германией // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3 (28). С. 29–43. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/003.pdf>. EDN: BQSTKB.

Original article

ON THE HISTORY OF THE ISSUE OF MASS MURDERS OF MENTALLY ILL PEOPLE COMMITTED BY EMPLOYEES OF VARIOUS STATE STRUCTURES BY NAZI GERMANY**Ivan L. Tretyakov***Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia
mail@tretyakov.su, <https://orcid.org/0000-0002-1720-4187>*

Abstract. Information on the death conveyor, launched by the authorities of Nazi Germany long before the outbreak of the World War II is of a deeply sacral importance for all mankind. It is quite relevant and even more topical today, given the fact that in the West the ideas of revanchism and calls for segregation of their own citizens and the world population as a whole are being revived, while in Germany, as well as in Poland and the Baltic states they turned into some sort of violent paranoia. The apologists of the post-truth are reviving what seemed to have been buried forever under the wreckage of the Third Reich - the mythology of social Darwinism, trying to implement it in Ukraine. This Article analyzes one aspect of the fascist regime criminal activity related to experimenting on persons with some chronic diseases of the central nervous system. The

ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2024. № 3 (28). ISSN 2587-7402 (онлайн)
VESTNIK SANKT-PETERBURGSKOGO VOENNOGO INSTITUTA VOJSK NACIONAL'NOJ GWARDII. 2024;3(28). ISSN 2587-7402 (online)

Author examines the general state of psychiatry under Nazism, the law on forced sterilization of the mentally ill, the principal provisions of the "T-4" program, the implementation features of forced euthanasia for newborns and minors with signs of disability, etc. The Author concludes the killing of the mentally ill cannot be considered as euthanasia (such term being absolutely irrelevant here), since the acts of murdering were carried out forcibly (violently). This study serves as a reminder that destructive stereotypes and prejudices of chauvinistic orientation can seize the minds of millions overnight, and lead them to a moral catastrophe, to murdering innocent fellow citizens with different views, different appearance, or different state of health.

Keywords: history, nazism, german psychiatry, biologizing concepts, mental pathology, the mentally ill, social darwinism, eugenics, mass murder, «active euthanasia», segregation, post-truth

For citation: Tret'yakov I.L. On the history of the issue of mass murders of mentally ill people committed by employees of various state structures by Nazi Germany. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3(28): 29–43. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/09/003.pdf>. EDN: BQSTKB.

© Третьяков И.Л., 2024

Введение

Как известно, история повторяется, причем не обязательно в виде фарса (как писали классики немецкой философии), но и в виде очередной трагедии, «копии» той, что уже произошла ранее, была детально изучена и, возможно, даже описана в учебниках. Так, например, полузабытая и дискредитировавшая себя идеология национал-социализма вновь стала мощной подпиткой для неонацистов Хорватии (во время вторжения стран НАТО в Югославию), наследников Шухевича и Бандеры на Украине, «прибалтийских тигров», «истинных финнов». Разумеется, что здесь не обошлось без опытных политехнологов, превращающих историческую правду (какой бы очевидной и общеизвестной она не была) в товар, в фейк, в серию рекламных трюков, в набор иррациональных, псевдонаучных «знаний», разжигающих ксенофобию.

Следуя заповедям З. Бжезинского, близкие к Вашингтону надгосударственные евроатлантические структуры пропагандируют крайне искаженные взгляды на всемирную историю, умышленно преувеличивая заслуги англосаксов в развитии человеческой цивилизации. Вся философия Запада «вертится» вокруг идеи о собственной исключительности. При этом любое инакомыслие пресекается на корню. Оппоненты объявляются врагами демократии или преступниками. Дорвавшиеся до власти популисты (как правило, это недостаточно образованные с авантюрным складом ума субъекты) демонстрируют нарочито-циничное пренебрежение к интеллектуальной и эмоционально-волевой стороне нравственности, безразличие к печальному и поучительному опыту прошлых поколений своих же соотечественников.

Основные положения

Сегодня, когда проводится специальная военная операция, значительно усилилась антироссийская риторика ультралиберальной и неоконсервативной общественности Запада, которая сопровождается распространением идей о превосходстве «золотого миллиарда» (культурном, интеллектуальном, финансовом и т. д.). В свою очередь, «вскормленные» К. Швабом и Дж. Соросом глобалисты открыто обсуждают наиболее «оптимальные» (с их точки зрения) способы социобиологической сегрегации населения планеты, отдельных стран и континентов [1, С. 147–162; 2, С. 22–31; 3, С. 37–49]. В основе подобной «сортировки» граждан лежит циничная дифференциация людей на «полноценных и неполноценных», благонадежных и неблагонадежных, на представителей коренных народов и «пришлых». А когда-то (причём не так давно) дебаты о «чистоте крови» и «безупречной наследственности» привели к возникновению газовых камер.

Уже ни для кого не секрет, что к концу первой четверти XXI века мировой порядок стал «расползаться», причем в буквальном смысле. Международное право перестало действовать. Организация Объединенных Наций утратила связь с реальностью, превратилась в некое подобие Вавилонской башни, которая вот-вот рухнет. Налицо цивилизационный кризис, носящий экзистенциальный характер, поскольку затрагивает глубинные основы человеческого бытия. Очевидно, что и «эпохе-пост», которую «пронизывают» разного рода симулякры («шизофренические» концепты постмодернизма в виде постистории, постдемократии, постправды, постнравственности, постхристианства), разрывают острые противоречия, придет конец в самом ближай-

шем будущем [4, С. 178–184; 5, С. 133–148; 6, С. 1, С. 4, С. 5; 7, С. 5–16; 8, С. 480–490].

Обитатели «дивного нового мира» привыкли к сытости и комфорту, поэтому они идут на любые ухищрения, лишь бы сохранить свой автономный и большей частью «вегетативный» образ жизни. Цифровая деперсонализация превратила их в «безликие имитации» некогда существовавших индивидов, в «коматозников», находящихся на «искусственном вскармливании» (эту картину изобразили создатели культового фильма «Матрица»). Беда лишь в том, что в реальной жизни спасение этих людей практически невозможно. Во-первых, они сами отдали себя на заклянье, а во-вторых, едва ли в обозримом будущем появятся личности, достойные главных героев этого кинематографического шедевра – Нео, Морфеуса, Тринити [9; 10, С. 10–17; 11, С. 95–133; 12, С. 175–181; 13, С. 41–53].

Говорить о каком-то едином и развитом общественном сознании у западных обывателей не представляется возможным, так как сложившаяся «в их голове» совокупность представлений о «сущем и должном» носит фрагментарный (а зачастую, откровенно противоречивый характер). Расщепление сознания явилось результатом внешних (преимущественно гибридных) воздействий, планомерного извращения политехнологии исторических фактов, в результате чего информационное пространство заполнили конфабуляции (несуществующие воспоминания или «галлюцинации памяти»). На протяжении 80 лет западные СМИ культивировали и продолжают культивировать лживые представления о том, что «возможно было или чего никогда не было».

Однако для русского мира этот сценарий оказался неприемлем. В очередной раз столкнувшись с откровенным мошенничеством (в виде неисполнения Минских соглашений), а затем и с «тотальной» агрессией коллективного Запада, граждане России объединились вокруг руководства страны и уже в первые месяцы после начала специальной военной операции стали демонстрировать чудеса героизма, как на фронте, так и в тылу. По сей день на предприятиях военно-промышленного комплекса десятки тысяч рабочих и инженеров трудятся в три смены, несколько миллионов занимаются сбором гуманитарной помощи и медикаментов для бойцов Вооружённых Сил Российской Федерации, конструированием беспилотных летательных аппаратов, закупкой теп-

ловизоров, автотранспорта, трудятся в прифронтовой зоне в качестве волонтеров и т. д. Лучшие представители многочисленных коренных народов, испокон веков населявших просторы нашей великой Родины, прекрасно помнят, какой огромной и страшной ценой досталась советским людям победа в Великой Отечественной войне. Поэтому сохранение исторической памяти для каждого из нас – это гарантия сохранения нашего единства.

Прочно вошедшая в «плоть и кровь» населения России историческая правда порождает уверенность в том, что будущее поколения россиян смогут достойно ответить на любые вызовы своего времени, отстаивать те традиционные духовно-нравственные ценности, за которые боролись их предки. К сожалению (и это приходится сегодня признать), мы далеко не сразу стали отвечать на гибридные угрозы, направленные на размывание традиционных ценностей и распространение русофобии. В бывших союзных республиках родилось уже несколько поколений людей, которые ничего не знают о России, о ее культуре, героическом прошлом. В результате нам приходится как бы заново, на «ровном месте», налаживать культурные связи с ближайшими соседями. Как минимум в четырех «независимых» государствах (Латвии, Эстонии, Литвы и Молдовы) продолжает ухудшаться ситуация с преподаванием истории (честной, откровенной, лишенной либеральных фейков), а также русского языка.

События на Украине продемонстрировали накал информационного противостояния России и Запада. Лишь к концу 2022-го года мы, совместно с дружественными странами, смогли организовать достаточно однородное пространство «идеологической беспристрастности». Фактически коллективными усилиями удалось создать все условия для того, чтобы сторонники многополярного мира могли открыто заявлять о своих интересах, насущных потребностях, о неприятии диктата англосаксов, устанавливать новые (честные и открытые) правила игры [14, С. 26–38; 15, С. 60–70; 16, С. 10; 17, С. 445–454].

В июне 2024 года страны ЕС приняли 14 пакет санкций в виде запрета на вещание ведущих российских СМИ в Европе. Поводом для подобного шага стали истеричные заявления («евроатлантических марионеток») (Шольца, Бербок, Макрона, Каллас и т. п.) об информационно-идеологических диверсиях, якобы регуляр-

но совершаемых Кремлем, о смертельной опасности российской пропаганды для западного общественного мнения. Это решение продемонстрировало безальтернативность западной цензуры, панику русофобов от просачивания в информационное пространство правды о зверствах украинских нацистов на Донбассе, о «реинкарнации» социального дарвинизма (евгеники) в странах «золотого миллиарда», об окончании эпохи американской гегемонии, крахе неокOLONIALИЗМА и начале формирования многополярного мира, в котором нет места «двойным стандартам». В результате российская сторона ввела ограничения на информационные ресурсы целого ряда государств Евросоюза и международных общественных медиаторов, которые распространяли крайне враждебные и клеветнические сведения о нашей стране.

В этом же году состоялись выборы в Европейский парламент. Для многочисленных наблюдателей и экспертов стало неожиданностью, что его состав оказался самым правым в своей истории. Число евроскептиков увеличилось, но основные партии сохранили свое доминирование и продолжили следовать логике войны с Россией, с ее историей и культурой. «Медленно, но верно» уже не правоцентристы, а крайние правые (в т. ч. нацисты) меняют политические настроения в трех столпах Евросоюза – Германии, Франции, Италии. Да, радикалы неоднородны, однако как минимум 70 % из них являются откровенными расистами и реваншистами.

Эксперимент по «переформатированию» ювенальных слоев населения стран Европейского союза состоялся. «Младоевропейцы» (не говоря уже об американцах) в основной своей массе ничего не знают о Холокосте, «восторгаются» маршами ветеранов СС, равнодушно взирают на осквернение или сносы памятников советским воинам. Польские школьники охотно посещают мемориальные комплексы на территории бывших концентрационных лагерей, где для них функционируют аттракционы, пункты быстрого питания и даже гостиницы, стилизованные под бараки для заключенных. В 2022 году польские власти убрали из всех возможных источников информацию об освобождении Треблинки, Аушвиц-Биркенау, Майданека и т. д. Красной Армией. В Германии, Франции и Нидерландах большой популярностью пользуются анонимные письма солдат Вермахта к родным из-под Москвы и Сталинграда,

где захватчики изображаются романтическими героями, гибнущими с честью, защищая идеалы «свободного мира». Задача радикальных элементов Европы – преодолеть все еще преобладающий в политическом мышлении сограждан «дуализм» и посеять семена реваншизма. Наследники И. Гебельса пытаются склонить представителей интеллигенции к мысли о необходимости создания своего рода интегральной педагогики, сетуя на то, что все еще недостаточно широко используются «принципиально новые» исторические возможности европеизации преподавания истории в нужном ракурсе. Еврочиновники выпускают единые для всех школ методические рекомендации, в которых делается акцент на оболванивании («дебилизации») подрастающего поколения. Достаточно погрузиться в Интернет и проанализировать посты немецких школьников (особенно из восточных земель), чтобы понять – «белокурая бестия» вновь готова заявить о себе. Осуждение всевозможных фальшивок и призывов к насилию рассматривается как «путинская пропаганда». Сами же политические деятели все чаще заявляют, что им нужен не «послевоенный» мир, а пересмотр итогов Второй мировой войны.

Интересное наблюдение сделали педагоги из Белгорода и Ростова-на-Дону, которые в начале учебного года, совместно со своими коллегами из Новороссии, приступили к занятиям в школах ДНР, ранее находившихся в «зоне влияния» Киевского режима. Значительная часть детей ничего не знали о существовании праздника 9 мая, о том, что в 1943–1944 годах Донбасс был освобожден от фашистов, о мужестве молодого гвардейцев, о том, что Бабий Яр является гигантской братской могилой для украинских евреев, коммунистов, цыган, бойцов Красной Армии, пациентов Киевской городской психиатрической больницы. Дети никогда не слышали о существовании концентрационных лагерей. Комментируя вышесказанное журналисту «Российской газеты» (интервью от 21 июня 2024 г.), член Совета по правам человека Игорь Ашманов заявил, что мы имеем дело с «перепрошивкой» сознания, когда подрастающее поколение воспринимает правду как вымысел, а чудовищную ложь, как истину. Уже в четырнадцатом году американцы сделали ставку не столько на украинские учебники, сколько на новые технологии. 100 % Сети сразу же попали под жесткий контроль США. Смартфон стал тем ключевым инструментом в мас-

штабном эксперименте под названием «Украина», который прервал ход поступательного развития некогда процветающей общности людей и привел к чудовишной трагедии – к братоубийственной войне на востоке и юго-востоке страны. И. Ашманов считает, что если в публичном пространстве отсутствует критика, свобода мнений, альтернативные точки зрения, то «простые», но целенаправленные повторения (ежедневно поступающие из множества источников) способны изменить сознание. Искоренить же подобные стереотипы крайне сложно, поскольку требуется «зачистка» информационной (прежде всего, культурно-образовательной) среды, денацификации и демилитаризации Украины.

Нельзя не упомянуть и о том, что всё большее подтверждение находит теория, согласно которой, цифровизация нарушила естественный ход течения истории, «зомбировав» значительную часть человечества и стала вполне реально угрожать существованию всей цивилизации. Социологи даже говорят о наступлении эпохи цифрового рабства. В значительной мере это заявление подтверждается целым «клубком проблем», вызванных бурным развитием «игровой индустрии». Так, по мнению западных экспертов, ролевые видеоигры (рынок которых исчисляется сотнями млрд долларов) «выиграли» конкурентную борьбу с наркотиками. Последствия их воздействия не менее страшны и разрушительны, чем, например, воздействие запрещенных психостимуляторов. При регулярном «зависании» игрока в компьютере, независимо от его возраста, происходит быстрое формирование тяжелой психологической зависимости, человек как бы растворяется в виртуальном мире, утрачивая свою индивидуальность. Медики бьют тревогу: подобные «увлечения» приводят каждого второго игрока к госпитализации в психиатрическую клинику или к самоубийству. Нередко через онлайн-игры осуществляется приобщение подростков к внешней атрибутике нацизма. Более того, известны случаи, когда фанаты компьютерных проектов «украшали» себя фашистской свастикой, а затем расстреливали одноклассников или случайных прохожих из огнестрельного оружия. В специальной литературе можно найти доказательства того, что у лиц пубертатного возраста наиболее популярны игры, которые пробуждают самые низменные инстинкты и придают массовым убийствам некую «извращенную привлекательность» (по вы-

ражению западных психологов). Всё больше появляется игр, создатели которых делают акцент на истреблении «чужих» (роботов, «рептилоидов», представителей другой цивилизации и т.д.). Эти игры вытесняют мораль, здравый смысл. Имеют место случаи, когда на основе компьютерных игр появляются псевдорелигиозные или псевдофилософские культы, тоталитарные секты, адепты которых пытаются расширить свое деструктивное влияние на окружающих.

Поскольку идеи Ф. Фукуямы продемонстрировали свою несостоятельность, неонацистские организации выступили с лозунгом: «история – это не конец... это не то, что уже было, а то, что будет». Поэтому, заявляют они, в выигрыше оказывается тот, кто склонен идти по пути «крови и железа» (выражение, приписываемое О. Бисмарку). В социальных сетях ультраправые активисты (блогеры) достаточно злобно, но объективно высвечивают «достижения» западной псевдодемократии, критикуют лицемерную псевдотолерантность и «гомоэротические фантазии» либералов, требуют запрета однополых браков и пропаганды «сексуальных извращений». При этом они не забывают идеализировать Третий рейх и постоянно пишут о якобы высоком уровне жизни в фашистской Германии, об атмосфере всеобщего счастья и безмерного доверия к фюреру, об отсутствии безработицы, коррупции. Сведения о массовых убийствах, совершённых нацистами в годы Второй мировой войны, объявляют происками сионистов. Увы, но эта информационная повестка возбуждает фантазии молодежи (особенно из люмпенизированных, недостаточно образованных слоев населения) и нередко приводит ее в лагерь радикалов [18, С. 68; 19, С. 271–281; 20, С. 148–160].

Отечественные политологи единодушны во мнении, что сегодня Европа готова совершить гораздо больший сдвиг вправо, чем тот, что произошел на рубеже 20-х – 30-х годов прошлого века [21, С. 6; 22, С. 6; 23, С. 20; 24, С. 4; 25, С. 3]. В те далекие годы пропагандисты идей фашизма активно «шли в народ», соблазнили население рассказами о грядущем величии («новых господ»), способных поставить на колени весь мир. Для решения духовных и этических проблем предлагалось использовать специально разработанные мифологемы. Многие фантазии средневековых шарлатанов или членов тайного общества («Туле») признавались пророческими и воплощались в оккультную практику немецкого

нацизма. Придя к власти, фашисты начали миллионными тиражами издавать «труды» А. Гитлера, А. Розенберга, И. Геббельса, К. Биндинга и А. Гохе, а также изрядно «переработанные» сочинения Ф. Ницше [26, С. 6; 27, С. 7; 28, С. 8–18].

Однако, несмотря на показной оптимизм, нарочитую «уверенность в завтрашнем дне», характерной чертой практически всех публичных деятелей Третьего рейха была склонность к иррациональному и демоническому. Кроме того, в публичном пространстве активно обсуждались темы человеческого безумия, вырождения, смерти. На постоянной основе проводились мероприятия, призванные сплотить нацию перед лицом внешней и внутренней опасности (причем в рамках последней рассматривались в том числе и душевнобольные). Чиновники открыто заявляли, что обитатели психиатрических больниц абсолютно бесполезны, так как «проедают» бюджет и позорят нацию. Речь шла о лицах с хроническими психическими заболеваниями, которые крайне редко покидали стационар (максимально высокий процент из них составляли пациенты с врожденным и приобретенным слабоумием различной этиологии). Согласно данным, содержащимся в открытых немецких источниках, число таких пациентов на протяжении длительного времени было относительно стабильным и не превышало 700 000 человек. Число так называемых экзогенных больных постоянно менялось. Негативным образом на уровень психического здоровья немцев повлияли события Первой мировой войны, голод, разруха, безработица, мировой экономический кризис 1929 года. Общие же число лиц, страдающих психическими расстройствами и находившихся в поле зрения психиатров, составляло не менее полутора миллионов человек. В контексте сказанного важно напомнить, что по сей день и учёт, и анализ тенденций динамики психических заболеваний обладают выраженной спецификой, отличающей их от изучаемых тенденций «затухания или роста» соматических, инфекционных и т. д. заболеваний. Ну и это ещё не всё, поскольку существуют различные психиатрические школы, национальные и международные классификации болезней. Серьезные трудности вызвала и продолжает вызывать у специалистов идентификация расстройств пограничного уровня, различных проявлений посттравматического стресса, нарушений адаптации.

По свидетельствам очевидцев, катастрофические условия в немецких психоневрологических учреждениях – первое, что обращало на себя внимание. Больницы были невероятно переполнены. Один врач мог вести до 900 пациентов. Матрасы заменялись мешком с соломой. Нормы питания мало чем отличались от норм в концентрационных лагерях. Смертность душевнобольных, находящихся на стационарном лечении, превышала 42 % (выживали лишь те, кого навещали и поддерживали родственники). Совершенно противоположную картину можно было наблюдать в Советском Союзе. Так, к концу двадцатых годов были организованы первые в мире психоневрологические диспансеры и дневные стационары (трудовые профилактории), где пациенты днем получали необходимое лечение, питание, приобщались к трудовым процессам, а вечером возвращались домой, к родственникам. На базе крупных больниц организовывались санаторные отделения, в которых проводились реабилитационные мероприятия для выздоравливающих пациентов.

Говоря о психиатрии как о клинической дисциплине, предметом которой является лечение различных форм «собственно человеческих» расстройств высшей нервной деятельности, ни в коем случае нельзя игнорировать ее социальную, политическую и юридическую функции. Начиная с античных времен, политическая борьба сопровождалась не только взаимными оскорблениями оппонентов, но и навешиванием друг на друга «психиатрических ярлыков» (безумец, идиот, параноик и т. п.).

В первом российском руководстве по социальной психиатрии, изданном в 2001 году, усилиями профессорско-преподавательского состава Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, указывается, что в Германии, с приходом к власти нацистов, представления о гуманной роли психиатрии были извращены или сведены на «нет». «Народное здоровье» оценивалось с позиций расовой чистоты, а сами душевнобольные были обречены на физическое уничтожение или стерилизацию.

Первым шагом на пути создания так называемой нацистской психиатрии стало принятие закона от 4 июня 1933 г. «О предохранении от потомства с наследственными заболеваниями». Согласно закону предполагалось подвергать принудительной стерилизации пациентов, страдающих оли-

гофренией, «врожденной» эпилепсией и шизофренией, наследственной слепотой, глухотой, тяжелыми уродствами и т. д. Врачи были обязаны сообщать обо всех известных им лицах с вышеперечисленными диагнозами в соответствующие органы. Более тщательный отбор «кандидатов» проводился консультационными подразделениями здравоохранения по наследственной патологии. А так как стерилизация осуществлялась на основании общегосударственного закона, то в Германии были созданы «суды наследственного здоровья», которые состояли из профессионального юриста (представителя Судебного департамента) и двух врачей-психиатров (один мог быть неврологом или психоневрологом). Помимо прочего, ими решался вопрос о принудительной стерилизации (с привлечением сотрудников полиции) в случае агрессивного поведения потенциальной жертвы. В некоторых клиниках стерилизация была заменена кастрацией. Также существовал всеобщий запрет на заключение браков с душевнобольными.

Вторым шагом следует считать проведение так называемой «детской акции». Ее целью было умерщвление лиц, имевших выраженные признаки инвалидности по психоневрологическому заболеванию и не достигших совершеннолетия. Активная насильственная эвтаназия проводилась в соответствии с особым секретным указом, который регламентировал всю деятельность медицинских работников, а также обязывал врачей и акушеров сообщать в вышестоящие инстанции о случаях выявленных «наследственных уродств» среди немецких детей [29; 30, С. 32–34; 31, С. 120–127].

Архивные источники содержат информацию о том, что голод в послевоенной Германии привел к значительному увеличению числа детей с врожденной недостаточностью интеллекта, с микро- или гидроцефалией, хромосомными абберациями, с задержками в развитии и абсолютно неспособных к мыслительной деятельности, к элементарному самообслуживанию. Как правило, эти дети имели диагноз идиотия (чуть реже – имбецильность). Рождение каждого такого ребёнка было трагедией для родителей. И вот, в 1939 году (как утверждала официальная нацистская пропаганда) произошло событие, коренным образом изменившее «тактику работы» с указанными лицами. На имя А. Гитлера пришло письмо от жителя Лейпцига (как потом выяснилось примерного семьянина, истинного арийца, члена нацистской партии и т. д.) с просьбой

прервать жизнь его новорожденного сына-калеки путем введения смертельной инъекции. А. Гитлер якобы запросил медицинскую документацию, поручив изучить ее и вынести экспертное заключение по данному вопросу своего личного врача Карла Бранта. Как показали дальнейшие события, в результате было принято решение на умерщвление не только данного ребенка, но и всех «детей-уродов», находящихся на территории Рейха.

Смертельная инъекция младенцу была сделана известным нацистским врачом Вернером Кателем, который в дальнейшем не понес никакого наказания и после 1952 года (то есть после официальной реабилитации нацистов в ФРГ), работая в известных немецких клиниках и университетах, активно использовал СМИ для пропаганды идей социального дарвинизма и повсеместной «эвтаназии монстров».

История выглядит слишком «гладкой», чтобы быть правдой. Так, обращает на себя внимание важный для А. Гитлера момент, когда появилось письмо (на всех уровнях решался вопрос об экономии денежных средств). А самое главное – это характерный стиль изложения. Подобным образом формулируют свои мысли чиновники, но никак не простые обыватели.

К. Брандт сформировал группу медиков, которая максимально педантично обосновала целесообразность скорейшего избавления общества от «неполноценных» детей и выработала соответствующие рекомендации (в том числе пошаговые алгоритмы изъятия и умерщвления новорожденных с их последующим кремацией). А. Гитлер был впечатлен качеством проделанной работы и представил К. Брандта к государственной награде, также предложив ему организовать что-то, напоминающее Центр генетических аномалий и поддержания расовой гигиены. Пожелание А. Гитлера было удовлетворено в полном объеме – буквально через месяц начала работу «Имперская комиссия по научному учету тяжелых наследственных и врожденных заболеваний» [32, С. 115–117; 33, С. 168]. Разумеется, никакой наукой никто и не планировал заниматься. Члены комиссии проводили разъяснительную работу среди акушеров и гинекологов, инструктировали персонал на предмет быстрого и дешевого умерщвления пациентов, а также грамотного ведения документации, составления статистической отчетности. Чтобы не шокировать общество, было принято решение использовать достаточно наду-

мантный термин – активная (принудительная) эвтаназия. Понятие действительно надуманное, так как эвтаназия может производиться исключительно по просьбе умирающего (тяжелобольного человека). Члены имперской комиссии (заочно, на основании представленных сведений) принимали решение о дальнейшей судьбе новорожденных. Само же заключение включало в себя предельно лаконичную фразу – «придать умерщвлению» и подписи трех экспертов.

В январе 1941 года нацистским правительством было принято решение расширить возрастные рамки для потенциальных жертв. Ликвидации уже подлежали не только новорожденные с характерной патологией, но и все инвалиды по психическому заболеванию, не достигшие совершеннолетия. Если смертельная доза морфия вызвала мгновенный паралич дыхательного центра, то внутривенная инъекция фенола причиняла несчастным значительные страдания, они кричали от боли, «корчились в судорогах» и лишь потом умирали [34].

Третий шаг был вполне закономерен и предсказуем – фашистское руководство вплотную подошло к окончательному решению вопроса об укреплении ментального здоровья нации и призвало население избавиться от всех хронических душевнобольных, выздоровление которых было сомнительно или невозможно с медицинской точки зрения. Нацисты из Имперской канцелярии придумали этой программе абсолютно нейтральное название – «Акция Т-4», где цифра принадлежала номеру дома по Тиргартенштрассе, тихой берлинской улочки, где располагалась «Благотворительная организация по уходу и лечению за стационарными больными». Несколько месяцев понадобилось убийцам в белых халатах, чтобы прервать жизнь десяткам тысяч пациентов психиатрических клиник, домов престарелых и т. д. Однако к концу лета 1941 года власти вынуждены были официально заявить о приостановке программы, поскольку резко возросло число обращений родственников больных в судебные инстанции. Свою позитивную роль сыграли и голоса недовольных ветеранов Первой мировой войны, влиятельных партийных функционеров, представителей католической церкви и протестантской общины, деятелей культуры и искусства.

Протестные настроения удалось нейтрализовать, но акции продолжились. Их осуществляли скрытно на территории лечебных учреждений или в особых цен-

трах. Как правило, использовались газовые камеры в виде душевых комнат или специально оборудованных автомобилей, смертельные инъекции, яды в виде таблеток и растворов. Со временем жертвами «конвейера смерти» становились пациенты, которые вели асоциальный образ жизни, отказывались трудиться и приносить пользу режиму (алкоголики, наркоманы, люмпены, гомосексуалисты и проститутки). Невиновных и недееспособных также стремились уничтожить с целью экономии средств. Фактически любой человек мог не только по каким-то причинам оказаться в гестапо, но и быть принудительно госпитализирован в психиатрический стационар (имеющий отделения «закрытого типа»), где внезапно умирал «по естественным причинам» или в результате заражения какой-то опасной инфекцией. Далее родственникам приходил счет за кремацию тела, который они обязаны были оплатить в течение месяца.

Откровенный цинизм фашистских эскулапов проявлялся еще и в том, что многие из них, ради развлечения, устраивали у себя дома или на рабочем месте нечто вроде «кунсткамеры»- коллекции заспиртованных «монстров» (тел умерщвленных новорожденных). У «знатоков» также ценились деформированные и наиболее «уродливые» черепа жертв. Кожа пациентов с яркими и необычными татуировками нередко становилась собственностью кого-либо из врачей (после гибели человека аккуратно срезанный фрагмент его кожи подвергался профессиональной обработке и использовался в качестве сувенира, чехла, настольного коврика). Не отставали от частных коллекционеров и крупнейшие научные центры. Так, например, Гейдельбергский университет по сей день является самым крупным в мире хранителем микроскопических препаратов («срезов»), полученных из мозговой ткани умерщвленных фашистами жертв [35, С. 14; 36, С. 178–190; 37, С. 26; 38, С. 148–152].

Перечисленные методы, а также то, что основным мотивом для умерщвления душевнобольных явилась человеконенавистническая идеология (подкрепленная экономическим расчетом), а вовсе не сострадание, позволяют нам категорически отвергнуть термин «эвтаназия». Не может быть и тени сомнения, что данное понятие было использовано в качестве «ширмы» с целью сокрытия массовых убийств. Напомним, что в традиционном, «классическом» понимании, эвтаназия – это не просто без-

болезненная смерть, а смерть, которая соответствует воле самого умирающего [39, С. 17–19; 40, С. 29–30].

Важно иметь в виду, что законодательство фашистской Германии в сфере так называемой расовой гигиены является преступным. Обоснование данного термина было сделано известным петербургским криминологом, профессором Д. А. Шестаковым (под таковым ученым понимал законодательный акт, содержащий, по крайней мере, одно положение, «попирающее нормы права»). Речь, как правило, идет о нарушении запрета, установленного под страхом наказания международными нормами либо внутренним национальным законодательством. Возможно также, что отдельные положения какого-либо «одиозного» закона представляют для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию соответствующего деяния в качестве преступления [41]. В связи с чем доктор юридических наук П. А. Скобликов, обращаясь к вопросу о персональной ответственности исполнителей, приходит к выводу, что исполнение преступного закона не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее преступность деяний (что нередко имело место в послевоенной Европе, особенно в Федеративной Республике Германии) [42, С. 4].

С началом Второй мировой войны чудовищные по своей жестокости массовые убийства душевнобольных стали регулярно происходить на всех оккупированных территориях. Так, например, в первой Ленинградской городской психиатрической больнице имени Кащенко, которая находилась под Гатчиной, на территории бывшей усадьбы купцов Демидовых, нацисты в течение суток умертвили 850 пациентов, расстреляли большую часть персонала и устроили в «освободившихся» помещениях военный госпиталь. Существуют свидетельства того, что нередко, находясь в сельской местности, фашисты загоняли перепуганных, больных людей в лесные массивы и ради развлечения устраивали на них «охоту». В связи с массовыми убийствами пациентов, печальную известность получили: Киевская, Колмовская и Лотошинская психиатрические больницы. В Прибалтике и на Украине многие зверства совершали каратели из числа местных жителей.

В контексте рассматриваемых вопросов отдельного внимания заслуживает личность самого А. Гитлера, так как, по мнению некоторых исследователей, многие

поступки одиозного фашистского лидера (в том числе и ненависть к душевнобольным) были обусловлены его психической патологией. Об этом свидетельствуют факты из сохранившейся истории болезни времен Первой мировой войны, когда Гитлер, будучи ефрейтором, лечился в госпитале от «истерической слепоты», последствий газовых атак и «снарядного стресса». Кроме того, безусловный научный интерес представляют подробные рассуждения крупнейшего американского психиатра немецко-еврейского происхождения Эриха Фромма, которые содержатся в его книге «Анатомия человеческой деструктивности». В свою очередь профессор А. Е. Личко (величайший советский психиатр, сотрудник НИПНИ им. В. М. Бехтерева) писал, что юный Шикльгрубер (Гитлер) с трудом окончил народную школу, дававшее начальное образование. Ни среднего, ни тем более высшего получить не смог. В реальном училище дважды оставался на второй год из-за неусидчивости и природной лени. Пытался поступить в Венскую Академию художеств, но с позором «провалился» на первом же экзамене. Оказавшись на фронте, умело использовал ситуации, в которых можно было выгладеть героем и получать похвалы начальства. Как все истерики неоднократно угрожал окружающим самоубийством, «бился в припадках» или впадал в истерический ступор. «Расчетливое актерство, – считает А. Е. Личко, – отчетливо проступало на всем его жизненном пути». Укоренившиеся в искаженном сознании психопата сверхценные идеи в виде ненависти к большевикам, евреям, цыганам или страха «сойти с ума» (заболеть психической болезнью), а также вера в свою исключительность, мудрость, прозорливость, высокое предназначение и т. д. – все это определяло его активность. А. Е. Личко приводит рассуждение некоторых авторов, согласно которым указания о ликвидации психически больных якобы «оправдывались» тем, что Гитлер панически боялся покушения на себя со стороны какого-либо «идиота или сумасшедшего фанатика». Стремясь к максимальной объективности в изложении фактов, А. Е. Личко указывает, что в более зрелом возрасте (с 1932 по 1941 год) Гитлер тщательно изучал военную литературу (особенно справочники), демонстрировал хорошую память, наблюдательность, а также нередко поражал своих генералов достаточно грамотными и адекватными умозаключениями. В 1942 году появились доволь-

но «грубые» нарушения когнитивной сферы в виде одержимости разнообразными по тематике и конкретному содержанию мыслями. «Шокировала» ближайшее окружение и аффективная неустойчивость Гитлера. К 1944-му году сверхценные идеи переросли в бредовые (причем особо ярко прогрессировали идеи величия, преследования, отравления, всеобщего предательства). Память некогда «вездесущего» диктатора ослабла, голос охрип, руки тряслись, стоять он мог лишь непродолжительное время, опираясь на что-либо, резко участились приступы ничем не спровоцированной ярости. Четко обозначились признаки тяжелой зависимости от наркотических психостимуляторов. Профессор А. Е. Личко также находит немало подтверждений версии о наличии у А. Гитлера прогрессивного паралича или сифилитического энцефалита (хронических венерических заболеваний, которые были недостаточно эффективно пролечены в молодом возрасте и дали о себе знать в начале 40-х гг. прошлого века) [43, С. 76–97].

Наблюдения уважаемого психиатра позволяют с высокой долей вероятности заключить, что психические аномалии А. Гитлера, сопряженные с манипулятивно-безнравственным отношением к существующим нормам и окружающим людям, выступили в роли катализатора всей преступной деятельности нациста номер один (в том числе это касается и ксенофобии и навязчивого стремления следовать «законам евгеники»).

Заключение

Подводя итог сказанному, сформулируем ряд наиболее существенных выводов. Так, ведущая роль в процессе решения проблем индивидуального, социального и политического развития подрастающих поколений должна отводиться исторической науке, которая содержит идеи, ценности и смыслы, максимально раскрывающие внутренние ресурсы целых народов. В свою очередь, нельзя не признать, что распространение объективных сведений о преступлениях нацистов в годы Второй мировой войны является идеальной формой трансляции как социального, так и духовного опыта жертв фашистского режима, их родственников и т. д. среди молодежи. К сожалению, западные историки, культурологи и политики большей частью мифологизируют минувшее, своевольно обращаются с ранее установленными фактами и способствует тому, что «злонамеренный»

вымысел теснит научные знания. Поэтому отечественным ученым не остается ничего другого, как искать и находить историческую реальность, которая далеко не всегда исчерпывается сохранившимися артефактами и документами, Тем более что речь идет о кризисе «глобальной памяти», когда массово создаются «собственные версии» истории и девальвируются общие представления о ней.

«Расщепить» общественное сознание можно путём планомерной дезинформации и манипулятивной психологической обработки, в т. ч. за счет искажения исторической правды, формирования так называемых конфабуляторных механизмов («галлюцинаций памяти»), связанных с культивированием ложных представлений «о том, что было и чего не было». В результате человек сам, добровольно и весьма активно включается в процесс распространения псевдоисторического контента. Иными словами, индивид, лишенный знаний о коллективном прошлом, не способен к адекватному восприятию и мышлению. У него нет перспективы развития. Это – голем, порождение темных сил.

Давая оценку программе «Т-4», связанной с уничтожением душевнобольных в Германии, важно отметить, что руководство Третьего рейха прекрасно осознавало противозаконность своих действий. Именно поэтому соблюдалась максимально возможная скрытность, а в официальных документах использовалось выражение – «активная эвтаназия» (ее регламентировало не общегерманское законодательство, а известный узкому кругу лиц указ А. Гитлера о «милосердной смерти»). Кроме того, органы власти руководствовались расово-идеологическими установками и «финансовой целесообразностью» (экономии бюджетных средств).

Нацисты пытались найти опору в социальном дарвинизме (в социальной евгенике), что изначально лишало право его важнейших моральных свойств – свободы, равенства, справедливости. Важный урок, который можно вынести из истории существования фашистского режима, заключается в том, что любая сегрегация (особенно учитывающая уровень интеллектуального развития субъекта, его «социальный рейтинг», национальную, религиозную принадлежность и т. д.) неминуемо приводит к массовым нарушениям прав человека, к дискриминации значительной части населения страны.

Список источников

1. Барбарук Ю. В. Биополитические исследования и исследование биополитики // Философский журнал. 2023. № 3 (16). С. 147–162. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-3-147-162.
2. Бурмистрова Е. С. От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. № 17(4). С. 22–31. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-22-31>.
3. Козлов Е. А. Либеральная демократия и западноевропейские ценности как инструменты США для завоевания мирового господства / Е. А. Козлов, Б. В. Пикалов, В. А. Котельников // Форум молодых ученых. 2023. № 2 (78). С. 37–49.
4. Керимов А. Д. Несколько замечаний об обществе грядущей эпохи // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 178–184.
5. Кузнецова А. А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 133–148.
6. Медведев Д. Время метрополий истекло // Российская газета. 2024. 14 июня.
7. Окунев И. Ю. Пространственная зависимость в распределении этноконтактности и конфликтогенности на постсоветском пространстве / И. Ю. Окунев, А. Д. Любимова, Е. А. Якушева // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. 18(1). С. 5–16. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-1-5-16>.
8. Семедов С. А. Трансформация современного мирового порядка // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 4(7). С. 480–490. URL: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490> (дата обращения: 12 июня 2024).
9. Воскобойников С. Г. Историческая память как инструмент патриотического воспитания и ориентир на консолидацию в условиях современных вызовов / С. Г. Воскобойников, Т. В. Щукина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 1. URL: <file:///C:/Users/John%20Kennedy/Downloads/istoricheskaya-pamyat-kak-instrument-patrioticheskogo-vospitaniya-i-orientir-na-konsolidatsiyu-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov.pdf> (дата обращения: 12 июня 2024).
10. Третьяков И. Л. Нацистская психиатрия: массовые убийства психически больных // Российское право онлайн. 2022. № 1. С. 10–17. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.010-019.
11. Литвинов Н. Д. Неонацистское государство Украина – источник диверсионно-террористических угроз национальной безопасности России: криминологические и контрразведывательные аспекты / Н. Д. Литвинов, Д. А. Родионов, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 95–133.
12. Луценко В. В. Без срока давности, без права на помилование. Нюрнбергский процесс – главная юридическая битва XX века (историко-правовой аспект) / В. В. Луценко, И. В. Семёнова // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 175–181.
13. Поляков Т. А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики / Т. А. Поляков, Н. А. Троян // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41–53. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-41-53.
14. Брайнес А. А. Патриотическое, гражданское и политическое воспитание молодежи в современной России: соотношение понятий // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2023. № 2. С. 26–38. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-26-38.
15. Васильев В. П. Социально-политическое формирование личности и гражданина в предметной области обществознания // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2023. № 2. С. 60–70. DOI:10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-60-70.
16. Ледяева М. С опорой на главное // Российская газета. 2024. 3 апреля.
17. Мчедлова М. М. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории / М. М. Мчедлова, О. А. Букин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
18. Дамулин И. В. Судьбы врачей и нацизм / И. В. Дамулин, Р. В. Шурупова, А. А. Струценко // Сеченовский вестник. 2016. № 2(24). С. 63–69.
19. Саенко А. С. Нацистские преступления против советского населения на территории оккупированного Донбасса, 1941–1943 гг. // Вестник РГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 271–281. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-271-281.

20. Шерман Л. Отражение духовного сопротивления жертв Холокоста в свидетельствах членов зондеркоманды Аушвица // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 148–160. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-148-160.
21. Ямбург Е. Педагогические уроки Холокоста // Московский Комсомолец. 2024. 31 января–6 февраля.
22. Тринкер А. Капля правды в море лжи. Как подпитывают неонацизм в Германии // Литературная газета. 2020. № 48 (6763). С. 6.
23. Чижов М. Оккупанты или спасители? // Литературная газета. 2020. № 38 (6753). С. 20.
24. Егоров И. Хуже нацистов // Российская газета. 2024. 28 июня.
25. Цепляев В. Выйти на многополярную орбиту // Аргументы и факты. 2024. № 27.
26. Глезеров С. Нюрнбергский компромисс // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. 9 декабря.
27. Звягинцев А. Уроки Нюрнберга // Российская газета. 2023. 25 октября.
28. Набиев Р. Ф. Победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 8–18.
29. Данилова Е. В. Германская историография нацистской программы эвтаназии и «волны исторической памяти» в Федеративной Республике Германия // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2020. № 1 (66) [Электронный журнал]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskaya-istoriografiya-natsistskoj-programmy-evtanazii-i-volny-istoricheskoy-pamyati-v-federativnoy-respublike-germaniya> (дата обращения: 12 июня 2024).
30. Колпина Л. В. Эвтаназия: обзор проблемы // Медицинская сестра. 2015. №4. С. 32–34.
31. Старовойтова О. Э. Убивать или нет, вот в чем основной вопрос эвтаназии / О. Э. Старовойтова, В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Право и управление. 2022. № 10. С. 120–127. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-120-127.
32. Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 370 с.
33. Скорик А. И. Немецкая психиатрия при национал-социализме // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1994. № 1. С. 167–174.
34. Psychiatrie im Nationalsozialismus: Ein Tagungsbericht des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen. – Kassel: Eigenverlag des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen, 1989. 136 s.
35. Дргонец Я. Современная медицина и право / Я. Дргонец, П. Холлендер М. : Юрид. лит., 1991. 336 с.
36. Катц Дж. Защита испытуемых и пациентов: уроки Нюрнберга // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. проф. Б. Г. Юдин. М. : Эдиториал УРСС, 1998.
37. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М. : ИНФРА-М, 2006. 320 с.
38. Семенов В. Е. Социально-психологические эксперименты над людьми: этическая дилемма // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2016. Т. 25. № 1. С. 148–158.
39. Агамиров К. В. Эвтаназия – преступление или акт милосердия: взаимодействие права и этики // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 17–19. DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-17-19.
40. Давлетбаков С. К. Йозеф Геббельс и искусство пропаганды // Скиф. 2022. № 7 (71). С. 29–33.
41. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб. : Изд-во «Юридический центр – Пресс», 2011. 75 с.
42. Скобликов П. Может ли закон быть преступным? // Санкт-Петербургские ведомости. 2024. 14 июня.
43. Личко А. Е. А. Гитлер (Шикльгрубер) как пример параноического развития на почве истерической психопатии // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1994. № 3. С. 76–97.

References

1. Barbaruk Yu. V. Biopolitical research and the study of biopolitics // *Filosofskij zhurnal*. 2023;3(16): 147–162. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-3-147-162. (In Russ.).
2. Burmistrova E. S. From the marginals to the mainstream: changing the image of the leaders of Western European right-wing populists // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2023;17(4): 22–31. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-22-31>. (In Russ.).
3. Kozlov E. A. Liberal democracy and Western European values as tools of the United States to gain world domination / E. A. Kozlov, B. V. Pikalov, V. A. Kotel'nikov // *Forum molodyh uchenyh*. 2023;2(78): 37–49. (In Russ.).
4. Kerimov A. D. A few remarks about the society of the coming era // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;6: 178–184. (In Russ.).
5. Kuznecova A. A. The history of the formation of biopolitics as a field of political science research // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2022;1: 133–148. (In Russ.).
6. Medvedev D. The time of the metropolises has expired // *Rossiyskaya gazeta*. 2024. 14 iyunya. (In Russ.).
7. Okunev I. Yu. Spatial dependence in the distribution of ethnocontact and conflictogenicity in the post-Soviet space / I. Yu. Okunev, A. D. Lyubimova, E. A. Yakusheva // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2024;18(1): 5–16. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-1-5-16>. (In Russ.).
8. Semedov S. A. The transformation of the modern world order // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2023;4(7): 480–490. Available from: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490> (data obrashcheniya: 12 iyunya 2024). (In Russ.).
9. Voskobojnikov S. G. Historical memory as a tool of patriotic education and a guideline for consolidation in the face of modern challenges / S. G. Voskobojnikov, T. V. Shchukina // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kulturologiya. Politicheskie nauki*. 2023;1. Available from: <file:///C:/Users/John%20Kennedy/Downloads/istoricheskaya-pamyat-kak-instrument-patrioticheskogo-vospitaniya-i-orientir-na-konsolidatsiyu-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov.pdf> (data obrashcheniya: 12 iyunya 2024). (In Russ.).
10. Tretyakov I. L. Nazi Psychiatry: mass killings of the mentally ill // *Rossiyskoe pravo onlajn*. 2022;1: 10–17. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.010-019. (In Russ.).
11. Litvinov N. D. The neo-Nazi state of Ukraine is a source of sabotage and terrorist threats to Russia's national security: criminological and counterintelligence aspects / N. D. Litvinov, D. A. Rodionov, M. V. Sal'nikov // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;2: 95–133. (In Russ.).
12. Lucenko V. V. No statute of limitations, no right to pardon. The Nuremberg Trial is the main legal battle of the 20th century (historical and legal aspect) / V. V. Lucenko, I. V. Semyonova // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2022;12: 175–181. (In Russ.).
13. Polyakov T. A. Ensuring sovereignty in the information space is a strategic task of national policy / T. A. Polyakov, N. A. Troyan // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2024;1: 41–53. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-41-53. (In Russ.).
14. Brajnes A. A. Patriotic, civic and political education of youth in modern Russia: the relationship of concepts // *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2023;2: 26–38. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-26-38. (In Russ.).
15. Vasil'ev V. P. Socio-political formation of personality and citizen in the subject area of social studies // *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2023;2: 60–70. DOI:10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-60-70. (In Russ.).
16. Ledyayeva M. Based on the main thing // *Rossiyskaya gazeta*. 2024. 3 aprelya. (In Russ.).
17. Mchedlova M. M. Russian Civilization: a Civilizational Approach in Political Theory / M. M. Mchedlova, O. A. Bukin // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2023. T. 25;2: 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>. (In Russ.).
18. Damulin I. V. The fate of doctors and Nazism / I. V. Damulin, R. V. Shurupova, A. A. Strucenko // *Sechenovskij vestnik*. 2016;2(24): 63–69. (In Russ.).
19. Saenko A. S. Nazi crimes against the Soviet population in the occupied Donbas, 1941–1943. // *Vestnik RGGU. Seriya: «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 2023;4. Ch. 2: 271–281. DOI: 10.28995/2073-6339- 2023-4-271-281. (In Russ.).

20. Sherman L. Reflection of the spiritual resistance of Holocaust victims in the testimonies of members of the Auschwitz Sonderkommando // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2024;1: 148–160. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-148-160. (In Russ.).
21. Yamburg E. Pedagogical lessons of the Holocaust // Moskovskij Komsomolec. 2024. 31 yanvarya–6 fevralya. (In Russ.).
22. Trinker A. A drop of truth in a sea of lies. How neo-fascism is fueled in Germany // Literaturnaya gazeta. 2020;48 (6763): 6. (In Russ.).
23. Chizhov M. Occupiers or saviors? // Literaturnaya gazeta. 2020;38 (6753): 20. (In Russ.).
24. Egorov I. Worse than the Nazis // Rossijskaya gazeta. 2024. 28 iyunya. (In Russ.).
25. Ceplyaev V. Enter a multipolar orbit // Argumenty i fakty. 2024. № 27. (In Russ.).
26. Glezerov S. The Nuremberg Compromise // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2020. 9 dekabrya. (In Russ.).
27. Zvyaginets A. Nuremberg Lessons // Rossijskaya gazeta. 2023. 25 oktyabrya. (In Russ.).
28. Nabiev R. F. Victory in World War II: ideology and arena of political confrontation (facts against falsification)// Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020;1 (39): 8–18. (In Russ.).
29. Danilova E. V. German historiography of the Nazi Euthanasia program and the "waves of historical memory" in the Federal Republic of Germany // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2020;1 (66) [Elektronnyj zhurnal]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskaya-istoriografiya-natsistskoy-programmy-evtanazii-i-volny-istoricheskoy-pamyati-v-federativnoy-respublike-germaniya> (data obrashcheniya: 12 iyunya 2024). (In Russ.).
30. Kolpina L. V. Euthanasia: an overview of the problem // Medicinskaya sestra. 2015. № 4. S. 32–34. (In Russ.).
31. Starovojtova O. E. To kill or not, that's the main question of euthanasia / O. E. Starovojtova, V. P. Sal'nikov, S. I. Zaharcev // Pravo i upravlenie. 2022;10: 120–127. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-120-127. (In Russ.).
32. Romanovskij G. B. Gnoseologiya prava na zhizn'. SPb. : Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2003. 370 s. (In Russ.).
33. Skorik A. I. Nemeckaya psihiatriya pri nacional-socializme // Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii im. V. M. Bekhtereva. 1994. № 1. S. 167–174. (In Russ.).
34. Psychiatrie im Nationalsozialismus: Ein Tagungsbericht des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen. – Kassel: Eigenverlag des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen, 1989. 136 s.
35. Drgonec Ya. Sovremennaya medicina i pravo / Ya. Drgonec, P. Hollender M. : Yurid. lit., 1991. 336 s. (In Russ.).
36. Katc Dzh. Zashchita ispytuemyh i pacientov: uroki Nyurnberga // Bioetika: principy, pravila, problemy / otv. red. i sost. prof. B. G. Yudin. M. : Editorial URSS, 1998. (In Russ.).
37. Krylova N. E. Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenij. M. : INFRA-M, 2006. 320 s. (In Russ.).
38. Semenov V. E. Socio-psychological experiments on people: an ethical dilemma // Uchyonye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty. 2016. T. 25;1: 148–158. (In Russ.).
39. Agamirov K. V. Euthanasia is a crime or an act of mercy: the interaction of law and ethics // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2021. № 2. S. 17–19. DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-17-19. (In Russ.).
40. Davletbakov S. K. Joseph Goebbels and the Art of Propaganda // Skif. 2022;7 (71): 29–33. (In Russ.).
41. Shestakov D. A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. SPb. : Izd-vo «Yuridicheskij centr – Press», 2011. 75 s. (In Russ.).
42. Skoblikov P. Can the law be criminal? // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2024. 14 iyunya. (In Russ.).
43. Lichko A. E. A. Hitler (Schicklgruber) as an example of paranoid development on the basis of hysterical psychopathy // Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii im. V. M. Bekhtereva. 1994;3: 76–97. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Л. Третьяков – доктор юридических наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 19.06.2024;
одобрена после рецензирования 28.08.2024;
принята к публикации 20.09.2024.

Information about the author

I. L. Tretyakov – Doctor of Sciences (Law),
Docent

The article was submitted 19.06.2024;
approved after reviewing 28.08.2024;
accepted for publication 20.09.2024.